

О противоречиях в подходах к анализу политической субъектности

*Н.Н. ФИЛАТОВ,
кандидат исторических наук*

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ политический процесс совершается в виде взаимодействия двух основных политических субъектов — общества и политических элит. Само это взаимодействие выстраивается в режиме осуществления непрерывного выбора оптимальных, то есть соответствующих специфическим интересам каждого из этих субъектов, стратегий и тактик политического поведения. В демократической политике, таким образом, реально постоянно присутствуют два достаточно различных представления об оптимуме политического участия общества и элит. То, что демократический процесс внутренне един, но соизмеряется его основными участниками со свойственными именно им толкованиями идеальной организации политического взаимодействия, постоянно актуализирует в общественном сознании и сознании элит вопрос — кто виноват в том, что реально состоявшееся политическое взаимодействие в большей или меньшей мере, но с заметным постоянством отклоняется от порядка, изначально для него предусмотренного? Почти в соответствии с широко известным афоризмом В.С. Черномырдина, озвученным им в бытность российским премьером: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

По своим внешним очертаниям процедура переложения ответственности на «партнера» по политическому процессу довольно проста — властвующие элиты во всех своих политических и экономических неудачах винят общество, неотзывчивое на их управленческие действия, общество же (в том его сегменте, который представлен людьми, живущими от трудовых доходов) в своих проблемах обвиняет элиты. Но это представление, формируемое, в основном, посредством публичной активности средств массовой информации, является именно внешним. Процедура определения «виновника» отклонения демократического процесса от намеченного русла представляет собой неотъемлемую часть механизма легитимации и воспроизводства демократических институтов и процедур и потому структурно достаточно сложна. Поиск «виновного» происходит и на других уровнях. Можно постоянно наблюдать такую картину, что при малейшем обнаружении проблем в самом обществе его малоимущие и наименее защищенные в экономическом и правовом отношении члены всю полноту ответственности за них (проблемы) однозначно возлагают на экономически более состоятельные и соответственно менее скованные юридическими нормами слои общества. То же самое происходит внутри самой элитарной корпорации: оппозиция винит во всех неудачах властвующую элитарную группу, а та, в свою очередь, во всех трудностях организации политической жизни — оппозиционную ее часть.

Важным условием возобновляемое™ демократического процесса при этом является незавершенность поисков «виновника». То есть нахождение в его политическом участии моментов, которые принципиально оправдывали бы в глазах общества политические и экономические просчеты элит, а в глазах элит — пассивное поведение общества в

процессе демократических реформ. Дело в том, что для политических элит безоговорочное возложение всей полноты ответственности, например, за затяжной ход российского демократического транзита на общество фактически равносильно росписи в собственном несоответствии роли именно демократических, т. е. выдвинутых из рядов самого общества организаторов политической жизни. Подобное возложение всей полноты ответственности за затягивание или неудачу демократического транзита на общество прекращает его демократическое участие как таковое, и дальнейшее существование элит становится объективно возможным только в режиме диктатуры (военной или гражданской). Общество при этом лишается автономной политической субъектности и позиционируется в политическом процессе как объект воздействия извне. Хотя заметим, такое воздействие может быть обставлено самыми демократическими атрибутами.

Для общества окончательное и бесповоротное возложение всей полноты ответственности за свои проблемы на властвующие элиты тоже имеет очевидные негативные последствия для его демократического участия. Элиты своим существованием и своей деятельностью наполняют жизнью государственный порядок, который в этом случае теряет свою легитимность, и объективно встает вопрос о возможности и необходимости его коренного изменения. Например, Российский исторический опыт массовых революций показывает, что такой порядок разрешения общественно-элитарных противоречий возможен, но отнюдь не оптимален с точки зрения развития политических процессов в демократическом русле.

Демократическое развитие существует тогда, когда в этой процедуре взаимного распределения ответственности между основными субъектами демократического процесса удастся соблюсти баланс легитимирующих и делегитимирующих оснований их политического участия. И в поддержании такого баланса важная роль отведена научным исследованиям. Научное суждение, при всей популярности сегодня постмодернистской парадигмы понимания возможностей научного исследования, сохраняет в массовом сознании статус «истины в последней инстанции». Экспертное научное заключение продолжает оставаться важным инструментом управления политическим поведением. Наука, исследуя демократическое участие общества и элит, находит в ее мотивациях и формах моменты, которые убеждают элиты в том, что общество таково, какое оно есть, а общество — что от элит не стоит ожидать и требовать многого. Формируется особый научный дискурс восприятия и описания общества и элит как участников демократического процесса, наделенных такими стабильными характеристиками политической субъектности, которые при планировании любого демократического действия необходимо воспринимать как исходные. Выполнение данной общественно-политической миссии, правда, оборачивается проблемами для самой науки, в структуре аналитического продукта которой появляется немало парадоксов. Не так давно опубликована подборка исследований¹, посвященных памяти известного отечественного социолога и политолога Ю.А. Левады, включая его последнюю прижизненную статью². Она интересна в том числе тем, что представляет определенный

¹ Гудков Л.Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 16—30.

² Левада Ю.А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 5—15.

фундаментальный итог исследования политической субъектности российских элит и общества в довольно длительной ретроспективе их взаимодействия и в рамках одной научной школы. В результате приводится ряд характеристик общественного и элитарного сознаний, которые в данном случае представлены в качестве базовых, тех, которые нужно принципиально учитывать при долгосрочном расчете динамики политических процессов.

Исходным основанием для характеристики состояния общественного сознания постсоветской эпохи выступает идеально-типическая модель «человека советского». Те характеристики, которые даны современному российскому обществу, представляют собой результат «разворачивания» данной идеальной модели в новом политическом пространстве и времени. В идеальном варианте модель «человека советского» включает в себя такие черты как «принудительная самоизоляция», «уравнительность», «принадлежность государству», «соединение превосходства с ущемленностью», «самопожертвование», «аскетизм», «фобии перед чужим и незнакомым». «Советский человек — «это массовидный человек («как все»), деиндивидуализированный, противопоставленный всему элитарному и своеобразному, «прозрачный» (т. е. доступный для контроля сверху), примитивный по запросам (уровень выживания), созданный раз и навсегда и далее неизменяемый, легко управляемый (на деле подчиняющийся примитивному механизму управления). Все эти характеристики относятся к лозунгу, проекту, социальной норме и в то же время — это реальные характеристики поведенческих структур общества». Анализ дальнейшей эволюции этого комплекса свойств общественного сознания уже в постсоветскую эпоху завершается рядом выводов: «тенденции реставрации (или реанимации) ряда характерных черт «человека советского»... действуют после общепризнанного крушения идеологических структур и соответствующих им пропагандистских стереотипов, присущих советскому периоду», «чем дальше уходит в прошлое его («советского человека») собственное время, тем более привлекательным представляется оно массовому воображению». «Разрушение прежних образцов не сопровождалось какой-либо позитивной работой по пониманию природы советского общества и человека, выработкой других ориентиров и общественных идеалов. Ни общество в целом, ни какие-то отдельные группы оказались не способны к этому. Возобладали эклектические имитации прежних символических структур... Главный итог этих 15 лет заключается в том, что общество, массовый человек приспособился, адаптировался, притерпелся к вынужденным изменениям, но оказался не в состоянии понять их или изменить условия своего существования».

Такая критическая оценка подразумевает, что в современных условиях политическая субъектность общества в демократическом процессе столь ничтожна, что остается лишь надежда на творческую политическую активность властвующих элит в деле государственного строительства и формирования структур гражданского общества «сверху». Само общество, обладающее такими качествами, никаких важных проблем решить не способно. Оно, в лучшем случае, может выступить в роли объекта реформаторских действий элит. А это подразумевает, что завершение демократического транзита возможно лишь в том случае, если российские элиты обладают некоторым набором качественных харак-

теристик своего политического сознания, принципиально отличных в лучшую сторону от характеристик сознания общественного.

Однако, тот набор характеристик элитарного сознания, который представлен в анализируемых публикациях вполне тождествен характеристикам общественного сознания. «...Значительная часть представителей элитарных групп связывает свои надежды с государственной властью и государственной экономикой, с государственной поддержкой... почти не смущаясь тем, что само государство шаг за шагом утрачивает демократические претензии... Ожидание милостей от власти и страх их утратить по-прежнему разобщают и губят российские прогрессивные элиты». Выделяются и такие характерные свойства политического сознания постсоветских элит, как идейная всеядность, прикрываемая административным прагматизмом, склонность к административному насилию, презрение к «высоколобым», то есть ко всему «необычному» по соответствующей классификации черт массового сознания, дилетантизм. Этот набор свойств элитарного сознания по форме и, особенно, по смыслу буквально копирует характеристики тех негативных черт общественного сознания, которые обществу не дают возможности в принципе стать полноценным участником российского демократического транзита. Критический анализ состояния современного элитарного сознания завершается выводом: «Факторами изменения обстановки могут стать эрозия нынешних массовых надежд, исчерпание материальных и моральных ресурсов существующей расстановки общественных сил». Это резюме подразумевает, что качество политического сознания элит таково, что с ним несерьезно связывать какие-либо надежды на активное продвижение российского демократического транзита, элиты «подсели» на выгоды от патронажно-клиентельных отношений и поэтому одна надежда — на изменение отношения общества к проблеме своего политического участия в демократизации страны.

Неслучайно, по-видимому, в современных отечественных исследованиях по проблеме состояния и перспектив демократического транзита в России практически никогда когда речь идет об их самостоятельной политической субъектности не совмещаются, два плана — анализ структур массового сознания и анализ политической культуры элит (эти планы совмещаются в тех случаях, когда в качестве единственного полноценного субъекта исследователями позиционируется государственная власть, стоящая «над всеми». Например, О.В. Гаман-Голутвина, завершая свое масштабное историко-политологическое исследование процесса элитообразования в России отмечает: «...мобилизационный тип развития, выступая эффективным инструментом решения чрезвычайных задач в чрезвычайных обстоятельствах, приводит к истощению физических и психологических ресурсов элит и населения...»³.

Хотя формальная логика подсказывает, что подобное совмещение методологически могло бы быть очень перспективным в плане системного анализа современного состояния и перспектив демократического взаимодействия двух основных политических субъектов. Очевидно, однако, что такое методологическое решение будет объективно выводить исследователя на постановку вопроса — если в демократическом процессе участвуют два субъекта, общество и элиты, и этот процесс «не идет», то кто виноват? Возможны три варианта ответа: виновно само общество, виновны элиты и виновны обе действующие в демок-

³ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 2006.

ратическом транзите силы. Последний вариант ответа приемлют лишь крайние пессимисты в среде политических аналитиков, поскольку он подразумевает принципиальную ошибочность того вектора социально-политического развития, которому страна следует последние два десятилетия. Остаются два варианта, подразумевающих теоретическую процедуру «возложения всей полноты ответственности» либо на общество, либо на элиты с охарактеризованными выше очевидно негативными последствиями для демократического процесса. Избегать этой процедуры отечественной аналитике до сих пор удается только одним чисто механическим способом, а именно разводя в предметном поле своих исследований общество и элиты как субъектов одного, по сути, демократического процесса. Несомненно, что этим наша наука вносит свой посильный конструктивный вклад в поддержание консенсуса общества и элит и в смягчение их возможных взаимных претензий. Озвученные выводы политико-социологических исследований призваны убедить читателя в том, что элитам особенно нечего ждать от общества и стоит надеяться в демократических реформах прежде всего на себя. И обществу тоже лучше рассчитывать не на культурный потенциал элит, а на собственную активность.

Однако, при таком ракурсе изучения политического участия общества и элит в демократическом процессе остается открытым ключевой вопрос — куда, на повышение качества общественной или элитарной культур, было бы разумно и эффективно направить и без того скудный ресурс материальных благ? Должно ли, например, общество пожертвовать своим благосостоянием в пользу элит, немного потерпеть ради того, чтобы под их руководством быстрее войти в мир «цивилизованной демократии». Или же, напротив, ресурс должен быть максимально аккумулирован в сфере общественных практик и на «голодный паек» должны быть «посажены» сами элиты? Попытки уравнительного урегулирования данной проблемы, как представляется, как раз и выступали в последние десятилетия российских реформ одним из основных факторов торможения динамики демократического транзита, что вполне осознается отечественными специалистами⁴.

Практически ситуация складывается так, что выполняя свою общественную функцию отечественная наука сама устанавливает себе предел аналитических возможностей. Получается, что главной ее задачей является выяснить, кто может или не может (и почему) реализовать либеральный демократический проект в России. И в таком направлении научных дискуссий уже не находится места для обсуждения альтернативных вариантов. Наука убеждает общество и элиты, что движение в сторону демократии необходимо, но предупреждает при этом, что ни у тех, ни у других активно двигаться нет возможности и сил, да и итог движения не понятен. Наука решает тактическую задачу сохранения в политической системе демократического консенсуса, но не выполняет своей основной функции — функции стратегического анализа. Суждения, построенные по схеме, согласно которой элиты и общество попеременно признаются неспособными к полноценному демократическому участию, и они же попеременно позиционируются в качестве последней надежды завершения российского демократического транзита, ведут политический анализ в тупик.

Представляется, что в этой теоретической ситуации простой количественный прирост исследований элитарной и общественной культур,

⁴ Кондратьев А. Идеология как инструмент управления ресурсами и ключевой компонент самоорганизации. М., 2004.

основанных на использовании устоявшихся идеально-типических моделей, в принципе не может дать нового качества в понимании нынешней ситуации политического развития России. **Необходима корректировка логики, на которой строится анализ совместного участия общества и элит в политическом процессе.** Почему вместо формального обязательного противопоставления недостатков одного субъекта политики прогнозируемым в идеале возможностям другого субъекта не предположить, что в самом сходстве характеристик доминант политической культуры общества и элит заключена теоретическая предпосылка для определения того чисто российского «идеала» демократического развития, который только и может быть в данный момент или в ближайшей перспективе будет достигнут совместными усилиями общества и элит? Почему не допустить, что это сходство есть исходное условие для определения той планки демократического совершенствования, которую способна «взять» социально-политическая система* в данный момент своего существования? И как представляется, нет объективных показаний к тому, чтобы в научном анализе делать исключение из наших представлений о системности в тех случаях, когда речь заходит о перспективах демократического процесса в России, в связи с сущностными качествами основных субъектов этого процесса.

В определенном смысле поиск такой методологии ведется достаточно давно. У отечественной политической науки имеются наработки в исследовании, например, ментальных установок массового сознания⁵. В том числе, в ракурсе доминирующих ментальных установок исследованы культуры политического мышления и поведения различных общественных групп и групп досоветских, советских и постсоветских политических и экономических элит России. «Менталитет», как определенный аналитический ракурс и как понятие, обладает тем несомненным достоинством, что позволяет выявлять действительно общие для элит и общества основания и мотивы их участия в политическом процессе. С этой позиции многое объяснимо в том, что собственно из числа ментальных доминант в равной степени мешает и элитам и обществу активно включиться в демократический процесс⁶. Такой теоретический ракурс, однако, имеет свое ограничение. Он приемлем для тех исследований, весь пафос которых нацелен на доказательство того, что демократические реформы не шли потому, что противоречили ментальным установкам массового сознания. Но из этой посылки логично вытекает, что вследствие неизменной устойчивости основы данного противоречия, никакие демократические преобразования в России не пойдут в принципе. Политический процесс в таком ракурсе приобретает черты фатальной цикличности. Как интерпретировал эту логику отечественный исследователь Д.Н. Альшиц «после событий 1991 года наша страна возвращается ныне к капитализму через некую «феодал-демократию», которой по степени цивилизованности, увы, далеко даже до

* Социально-политическая система в этом смысле является именно системой, сохраняющей свои системные свойства при любой динамике и направленности развития.

⁵ Ануфриев Е.А. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. № 3,4,5,6; Афанасьев В.Г. Корни менталитетов древнерусского и великорусского этносов // Российский исторический журнал. 1999. № 3. С. 3—8; Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб., 2001. С. 15—16.

⁶ Лиферов А.П., Воронова О.Е. Новая российская ментальность как инновационный ресурс модернизации образования // Педагогика. 2007. № 2. С. 12—22.

этапа первоначального накопления капитала на Западе в XIV—XVI вв. со всеми его ужасами и бедствиями для народа...»⁷.

Речь не идет о том, что категория «менталитет» чем-то принципиально плоха в качестве основы теоретического ракурса анализа политических процессов. Вопрос в том, что по логике того смысла, который отечественные исследователи обычно вкладывают в это понятие, «ментальный дискурс» обращен преимущественно на ретроспективу политического процесса в России. Он выступает полноценной основой построения научных суждений о том, что и как в политической культуре данного социума и его политических практиках было и как вследствие того, что общественное сознание живет по своим правилам, пришло к нынешнему состоянию⁸. Но вопрос о том, что из этого нынешнего состояния может в дальнейшем выйти в плане новых свойств политической культуры, новых качеств массового политического сознания и общественно-политических практик, о перспективе политического процесса (а именно в этом аспекте сегодня, как было показано выше, обсуждается отечественными аналитиками проблема функциональности российских элит и общества и их ответственности за итог демократических реформ) как бы ускользает из поля «ментального дискурса». Точнее, он подменяется самыми обобщенными рассуждениями, соответствует ли демократия «природе» российского общества или нет и ссылками на авторитетные суждения на этот счет известных «западных» интеллектуалов⁹.

Проблема в том, что среди отечественных политологов очень распространено восприятие категории «менталитет» как одной из наиболее универсальных основ методологии политологического исследования, каким бы сюжетам (от электоральных процедур до политико-психологической основы этно-конфессиональных конфликтов) такое исследование не было посвящено. Один из отечественных исследователей, например, отсутствие тяги у молодых российских граждан к взаимной конкуренции связывает с «советской ментальностью»¹⁰. Следуя такому порядку рассуждения можно объяснять неактивность советской молодежи в конкуренции в рамках «социалистических соревнований», инициируемых структурами советской власти и партийными органами, влиянием «досоветской ментальности» и так далее до бесконечности. Подобный подход несколько нарушает фундаментальный принцип, что любая методология действенна лишь тогда, когда ее познавательный потенциал соответствует свойствам предмета изучения. Своим происхождением эта проблема, как представляется, обязана тому обстоятельству, что изначально отечественными исследователями концепция «ментальных установок», позаимствованная из арсенала европейской

⁷ Тютюкин СВ. От декабризма до посткоммунизма (заметки о книге «Империя и либералы») // Вопросы истории. 2002. № 5.

⁸ Дубский Р.А. Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии // Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. философских наук. Ростов-на-Дону. 1999.

Кузьмин Д. О стратегии выхода России за пределы индустриального общества // Власть. 2004. № 1. С. 10, 13.

⁹ Кузьмин Д. О стратегии выхода России за пределы индустриального общества // Власть. 2004. № 1.

¹⁰ Петров А.В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социс. 2008. № 2. С. 85—86.

науки, позиционировалась в качестве альтернативы марксистской традиции исследования мировоззренческих структур. Действовала определенная инерция научного мышления — одну методологию, основанную на универсальных по смысловому наполнению категориях можно и нужно вытеснять из поля научных исследований при помощи другой, основанной на не менее универсальных по смыслу категориях.

Как будто прямо отечественным исследователям было адресовано теоретическое суждение М. Вебера о соотношении преимуществ и недостатков разных методологий: «Мы вовсе не намерены заменить одностороннюю «материалистическую» интерпретацию казуальных связей в области культуры и истории столь же односторонней спиритуалистической казуальной интерпретацией. Та и другая допустимы в равной степени, но обе они одинаково мало помогают установлению исторической истины, если они служат не предварительным, а заключительным этапом исследования»¹¹. То есть смысл в том, чтобы концепция ориентировала исследователя на изучение определенного материала, а не служила для аналитика средством механического избавления от оставшихся без ответа вопросов. «Ментальный дискурс» политологического исследования часто служит решению именно этой последней проблемы. На менталитет списывают все то, что в противном случае требовало бы развернутой аргументации в границах методологии, соответствие которой предмету исследования нужно было бы тоже мотивировать.

Это, безусловно, вопрос дискуссионный, но, возможно, современная отечественная политология приобрела бы гораздо больше, чем имеет сейчас, в плане развития собственных методологических традиций, отличных в лучшую сторону от традиций «западной» политической науки, если бы не пошла по пути поспешного отказа от использования при анализе состояний общественной и элитарной политических культур категории «мировоззрение». Неприятие аналитиков в отношении этого термина, как представляется, имело основанием негативные ассоциации с советской теорией и практикой «формирования мировоззрения» и, отчасти, с манипулятивными информационными технологиями периода демократических реформ¹².

Действительно, в свете представления о мировоззрении как политико-культурной реальности, целиком и полностью открытой для внешних идеологических манипуляций, ничтожно малой выглядела политическая субъектность общества и тем более политическая субъектность гражданина. Напротив, анализ, например, электорального участия гражданина в ракурсе выявления ментальной детерминации его политического выбора, которую невозможно сломить никакими политическими технологиями, поднимала такую субъектность на максимальную высоту. Ментальность российского общества в обстановке нарастающего давления государственных институтов на общество с целью побудить последнее к более активному переходу на либеральный стиль взаимоотношений становилась «последним рубежом обороны» в процессе интеллектуального освоения логики российского демократического транзита, на котором пыталась удержаться та часть политоло-

¹¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1999. С. 208.

¹² Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием в России сегодня. М., 2001.; Малинова О.Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. 2001. №5. С. 97—106.

гов, которая позиционировала себя в качестве корпорации, обслуживающей прежде всего интересы общества, в первую очередь интерес сохранения на должной высоте его политической субъектности.

В качестве своеобразной реакции на недостаточность «ментального дискурса» для анализа перспектив совместного участия российских общества и элит в демократическом процессе можно рассматривать и всплеск у исследователей во второй половине 1990-х годов интереса к поискам «национальной идеи для России», инициированного тогдашней властвующей элитой. Привлекательность этого начинания состояла в том, что фактически, простым явочным порядком дезактуализировалась проблема целенаправленного формирования гражданского мировоззрения как области единых для общества и элит императивов поведения в демократическом процессе. Она была подменена проблемой поиска «национальной идеи», способной аккумулировать ментальные основания массового сознания с завышенными ожиданиями прорыва российской социально-политической системы в новое цивилизационное качество.

Для такого сложносоставного в культурном отношении политического сообщества, каким является современная Россия, сама постановка вопроса о возможности консолидации всех граждан и элитарных групп вокруг какой бы то ни было одной или ряда идей изначально выглядела проблематичной. И эту принципиальную трудность постоянно отмечали те кто исследовал отечественный опыт существования разных версий «национальной идеи» для России и те, кто анализировал аналогичный зарубежный опыт¹³. Из всех этих поисков выходило, что единственной идеей, способной действительно консолидировать все российское общество со всеми российскими элитами была *идея единой и неограниченной государственной власти*. Известные популяризаторы этой версии «национальной идеи» Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов утверждали: «В XVI-XVII вв. складывающаяся Русская власть лишила значимой субъективной энергии все то, что с киевских времен выступало в роли исторических субъектов: церковь, боярство, удельные княжества и т. д. Это похищение, экспроприация субъективности, а в известном смысле — «европейскости» и «христианскости» в пользу одного сегмента социума и есть великая тайна русской власти и русской истории»¹⁴. Попытки разгадать эту «тайну» породили целый пласт научной литературы, также апеллирующей к ментальным основаниям политических культур современных народов как исходному условию политического анализа¹⁵.

Мировоззрение в работах отечественных исследователей было низведено до статуса технологического элемента в процедурах политического и культурного менеджмента. К тому же оно позиционировалось в качестве такого элемента, посредством которого верховная государственная власть имеет возможность по своему усмотрению манипулировать политической субъектностью общества и элит в ущерб их интересам. В

¹³ Мальков В.Л. Американская мечта как символ веры и внешнеполитическая стратегия: Протоистория «империи по приглашению» // Американский ежегодник. 1999. М., 2001. С. 122—155; Юров О.В. Предпосылки политической интеграции постсоветского пространства // Автореф. дисс. на соиск.уч. степени канд. политических наук. Саратов, 2005. С. 12.

¹⁴ Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Политические исследования (ПОЛИС). 2001. № 4.

¹⁵ Жуков А.Е. Японское общество и понятие «национальная идея» // Японский опыт для российских реформ. М., 2001., Вып.1., С.56-63; Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения // Общественные науки и современность. 1998. № 6.

одной из теоретических публикаций проблему «идеологического дефицита» современного политического процесса в России (с учетом того, что очевидной стала тенденция к усилению роли вертикали государственной власти в организации всех сторон общественной жизни) предлагается решить созданием стройной системы менеджмента, в которую в качестве технологического элемента включить и мировоззрение. «Пора переходить от беспринципной эксплуатации и культивирования абстрактного «информационного поля» к формированию отчетливого «информационно-смыслового пространства» — утверждает ее автор и рекомендует создать замкнутый цикл информационно-смыслового управления оборотом всех ресурсов данной социально-политической системы, который бы включал в себя на правах *базовых элементов* последовательно сменяющие друг друга: мировоззрение (как мироустройство) — идеологию (как системообразующее звено) — политику — экономику — быт (локально-неформальный уровень) — мировоззрение (теперь уже как внутренний мир личности)¹⁶.

Мировоззрение, таким образом, выполняет в данной концептуальной схеме функцию звена (или ресурсного канала), по которому верховная государственная власть имеет возможность управлять политической субъектностью общества и элит. От того состояния социально-политических отношений, которые ей уже удалось легитимировать в сознании подданных и элит в качестве естественного «мироустройства», она имеет постоянную возможность переходить на следующий уровень контроля и политического господства. В любом случае мировоззрение здесь выглядит так, что по природе своей сугубо технологично в той же мере, что и религия, политика, экономика.

Для анализа перспектив совместного участия российских элит и общества в демократическом транзите данный подход слишком узок. Он недостаточен уже потому, что изначально отсекает «человеческое» измерение демократического транзита, в котором, как уже было сказано, огромную роль играют ментальные компоненты, которые остаются за рамками анализа в силу своей нетехнологичности. Реально же вынести ментальность за рамки политического анализа нельзя. Если подходить к мировоззрению как феномену прежде всего политико-культурному, а не только операционно-технологическому, то основой его формирования выступает не «оборот информационных ресурсов» (это лишь надстройка, тяготеющая к тому же к унификации в условиях нынешней глобализации), а та самая ментальность.

Категория «мировоззрение», если обратиться к традиционному для отечественной науки ее толкованию, всегда соединяла в своем смысловом поле два начала — устойчивое, наследуемое индивидом по линии приобщения к базовым традициям своего социума или социальной группы, и благоприобретенное в ходе социализации и творческого поиска «смысла жизни». И в этом всегда заключался ее аналитический потенциал. Она позволяла органично синтезировать при характеристике политико-культурных императивов отдельной личности, общества в целом или же его элит то, что в структуре мотиваций их политического участия связано с ментальными установками массового сознания, с тем, что явилось естественной и необходимой надстройкой над этими

¹⁶ Кондратьев А. Идеология как инструмент управления ресурсами и ключевой компонент самоорганизации. М., 2004.

установками¹⁷. Иначе говоря, такое понимание категории «мировоззрение» дает возможность соединить в одной аналитической процедуре то, что свойственно политической культуре элит и общества, с тем, что им присуще по специфическим условиям политического участия. Сведение в рамках одной аналитической процедуры категорий «менталитет» и «мировоззрение», таким образом, создает методологическую предпосылку для того, чтобы развернуть анализ влияния общих и базовых для политической культуры элит и общества ментальных установок и на будущее политических отношений. Категория «мировоззрение» фактически имеет смысл теоретического мерила, в соотношении с категорией «ментальность» дающего исследователю возможность определить готовность данной социальной структуры в перспективе преодолеть «ментальный барьер» на пути к новому качеству социально-политических отношений, будь то либеральная демократия в ее российском исполнении или что-то другое. Актуальность проблемы такого мерила осознана отечественными исследователями давно, но преимущественно на философском уровне¹⁸.

Анализ в ракурсе единства ментальных и различия мировоззренческих установок общественного сознания и сознания элит дает возможность вписать вопрос о перспективе демократического транзита в России в более широкий предметный ряд. Нынешние стратегические задачи формирования в России гражданского общества, правового государства, правовой культуры граждан, их экономической активности, по сути, не столько задачи и проблемы выстраивания институциональной оболочки российской демократии, сколько проблемы и задачи формирования определенного, специфически-демократического мировоззрения у общества и элит. Это задачи приведения подвижных пластов общественной и элитарной культур в такое состояние, при котором они были бы нацелены на освоение новых идей, норм и принципов политического общежития, но эта их нацеленность не должна разрушительным образом сказываться на ментальном фундаменте российской социально-политической системы. Обозначенный теоретический ракурс, как представляется, способен сделать вклад политической науки в решение данных задач значительно более продуктивным. Это как раз та предметная область, в которую исследователю бессмысленно проникать, будучи вооруженным только устоявшимися в российской науке представлениями о свойствах общественной ментальности или сугубо технологическими представлениями о мировоззрении. Потому что оценка потенциала прогресса всей социально-политической системы в данном случае будет определяться теми реалиями сознания и поведения общественных и элитарных групп, которые «надстраиваются» над «ментальными установками», придают самим этим ментальным установкам новые формы и способы проявления в политических отношениях.

¹⁷ Никандров Н.Д. Воспитание и социализация в современной России: риски и возможности // Педагогика. 2007. № 1. С. 3—14.

¹⁸ Новик В. Демократия как проблема меры // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 83—91.